

плоды; и человекъ, играющій роль въ историческомъ событіи, никогда не понимаетъ его значенія». Если такъ, то остается только объявить совокупность всѣхъ общественныхъ и историческихъ дѣятелей за простыя орудія исторіи, не вѣдающія, что творять, а въ эту категорію войдутъ всѣ, которыя въ той или другой формѣ направляютъ свою дѣятельность къ общественнымъ цѣлямъ. Такъ гр. Толстой и дѣлаетъ, заявляя въ мѣстахъ, приведенныхъ мною и заключающихъ его основную мысль,—что въ исторической жизни человекъ есть бессознательное, несвободное орудіе чего-то роковаго. Вотъ почему и въ своей исторической философіи гр. Толстой ни единымъ словомъ не обмолвился о содержаніи историческаго движенія, какъ измѣненія общественныхъ формъ, ограничившись вопросомъ о простомъ механизмѣ этого движенія, столь, по его мнѣнію, безразличнаго для «настоящей», по его опредѣленію, т.-е. личной жизни. Послѣдняя, кромѣ того, представляется ему, какъ мы опять-таки видѣли, въ одномъ изъ приведенныхъ мѣстъ (V, 5), наиболѣе свободной, тогда какъ въ жизни исторической «человекъ,—по его словамъ,—неизбѣжно исполняетъ предписанные ему законы», т.-е. дѣйствуетъ совершенно фатально. Послѣ всего сказаннаго, мы надѣемся, каждый согласится съ нами, что въ выбранныхъ нами трехъ мѣстахъ, дѣйствительно, заключается основная идея всего произведенія, которою опредѣляется и содержаніе, и характеръ самой исторической философіи «Войны и мира». Разбору этой философіи мы думаемъ, однако, предпослать нѣсколько указаній на то, что, не касаясь содержанія идей гр. Толстого, мы обнаруживаемъ въ трехъ главныхъ элементахъ его произведе-